

НЕОУНИЯ ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Во II Речи Посполитой Православная Церковь не поддерживалась авторитетом власти, а лишь отождествлялась с вероисповеданием захватчика. Во время акции возврата утраченной собственности Православной Церкви были отняты более 400 храмов. Изменения общественно-политического строя в Советской России ослабили позицию Московского Патриархата, который предоставил Православной Церкви в Польше автономию, а руководство поручил местному собору епископов во главе с экзархом, имеющим полномочия митрополита. В 1921 году звание экзарха получил Минско-Гуровский владыка Георгий. В 1918–1923 годах Православная Церковь в пределах Речи Посполитой насчитывала более 4 миллионов верующих в семи епархиях. Польские власти, с одной стороны, стремились к созданию независимой от Москвы церковной структуры, а с другой стороны – ограничивали количество православных приходов.

Первым митрополитом Варшавским стал епископ Георгий, а после его трагической смерти – архиепископ Дионисий. Митрополит продолжал усилия по установлению церковной автокефалии. Митрополит вместе с государственными властями 13 октября 1924 года получил от Константинопольского Патриархата согласие на установление автокефалии. Автокефалию Православной Церкви в Польше в период между первой и второй мировыми войнами признали все патриархаты и автономные Церкви, кроме русской. Самый тяжёлый период Польская Православная Автокефальная Церковь переживала в 1938 году, когда, по решению административных властей на Холмщине и Подляшье, было снесено около 300 сакральных объектов. Окончательно юридические вопросы Православной Церкви урегулировал указ президента «Об отношении Государства к Польской Автокефальной Православной Церкви» от 18 октября 1938 года.

*

Одной из больших проблем во время Второй Речи Посполитой была для Православной Церкви в Польше неоуния. Новая заинтересованность Ватикана православной Церковью в Центрально-Восточной Европе возникла в конце I мировой войны. 1 апреля 1917 г. папа римский созвал Конгрегацию по делам Восточной Церкви, которая приняла все дела, связанные с деятельностью восточных обрядов. В 1925 г. в рамках этой Конгрегации была создана Комиссия Про Руссия, в которой доминировали пророссийские и антипольские тенденции. В Лилле во Франции была основана русская семинария св. Василия, позднее известная как исследовательский центр «Истина». В Инсбруке возник иезуитский центр, занимающийся подготовлением миссионеров восточного обряда. Подобный центр возник в Католическом Университете в Зальцбурге. В 1930 г. Комиссия Про Руссия была выделена из Конгрегации и непосредственно подчинена папе римскому. Комиссия Про Руссия занялась делами проведения миссионерской деятельности среди Русских, особенно проживающих за границами Советского Союза. Комиссия интересовалась также русским населением, проживающим на границах II Речи Посполитой.

Параллельно с новой восточной политикой Ватикана польские епископы подготовили планы миссионерской деятельности среди православного населения. Инициатором этих действий был епископ Подляшский Генрик Пшежджецки, который в 1923 г. отправился в Рим с планом организации в Польше

католической Церкви византийско-славянского обряда. 21 января 1924 г. папа римский Пий XI предоставил епископу Пшежджецкому полномочия учреждения униатских парафий, «где население этого пожелает». Эти полномочия были распространены на остальные пограничные латинские епархии: Люблинскую, Луцкую, Пинскую и Виленскую. Территории перечисленных епархий и епископство Подлашское стали областью униатской 157 Неоунии во Второй Речи Посполитой акции в Польше¹. Таким образом, папа римский принял сторону тех епископов польских, которые желали отстранения греко-католического духовенства от униатской деятельности на Волыни, Подляшье, Виленской области, Полесье и Люблинской области. Латинские епископы считали, что греко-католический обряд связан с украинским национальным движением и включает в себе много латинских наслоений, что может значительно осложнить миссионерскую деятельность среди православного общества. Римские католики не доверяли также миссионерским способностям греко-католического духовенства.

Новый византийско-славянский обряд заключался в сохранении полной обрядности восточной Церкви, а также на одновременном признании папы римского главой Церкви, добавлении филиокве к Символу Веры и внедрении в литургический календарь нескольких католических праздников. Синодальный русский обряд был приспособлен к католической догматике. Сохранялась Литургия на церковно-славянском языке, а проповеди в зависимости от ситуации произносились на национальных языках: русском, украинском, белорусском и польском. Не был также изменён внутренний вид храмов и богослужебных облачений духовенства. Инструкции папы римского гласили, что до времени установления отдельной иерархии Церкви духовные и верные этого обряда будут подчиняться местным латинским иерархам. Папа римский рекомендовал распространение унии посредством миссионерской работы и проведения благотворительной деятельности. Миссионерская работа среди православных в восточном обряде исходила из убеждения, что это эффективный метод обращать их в католицизм².

Папа Пий XI считал, что создание Церкви византийско-славянского обряда является лучшим средством для обращения православных в католическую Церковь в Польше. По этому поводу в 1930 г. он обратился к польским властям с предложением установления отдельной иерархии для этого обряда. Папа римский желал создать две епархии: Виленско-Пинскую и Волыньско-Подляшскую.

Помещение дел славянского обряда в Конгрегации Восточных Церквей увеличило недоверие к Ватикану польских властей. Власти отказали в создании новых епархий, оправдываясь тем, что конкордат с Апостольской Столицей предполагал функционирование в Польше только трёх католических обрядов: латинского, греческого и армянского. Обряд византийско-славянский в соглашении конкордата не был взят во внимание. В связи с негативным отношением польских властей Ватикан посчитал, что новая униатская акция является внутренним делом Церкви и не имеет ничего общего с договорённостями с властями³. В 1930 г. Ватикан посвятил епископом византийско-славянского обряда генерального настоятеля отцов марианитов литовца о. Франциска Бучиса. Для удовлетворения потребностей неоунии в Польше папа римский

¹ Waszkiewicz Z., *Neounia – nieudany eksperyment?* [в:] *Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996*, ред. Alexandrowicz St. и Kempa T., Toruń 1998, с.128–129; Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia*, Lublin 1999, с.57; Mironowicz A., *Neounia w II Rzeczypospolitej*, [в:] *Kościół Greckokatolicki na Warmii i Mazurach*, ред. Melnyk M., Olsztyn 2006, с.11–16.

² Łomacz B., *Praca duszpasterska duchowieństwa neounickiego*, „Novum” 1980, nr.5, с.95–103, 158.

³ Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego*, с. 59; Mironowicz A., *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, с.140–142.

назначил апостольского визитатора о. Николая Чарнецкого. Новый епископ, украинец по происхождению, принадлежал восточной линии ордена редемптористов. Неоуниатский владыка получил свою кафедру в Ковле, а резиденцию – в зданиях монастыря в Дубне⁴. Эти епископы, хотя и не приняли непосредственной юрисдикции над неоуниатской акцией в Польше, но самим фактом своего назначения усилили католическую миссионерскую деятельность среди православных.

Католический епископат поддерживал развитие византийско-славянского обряда в Польше. За миссионерскую деятельность среди православных особенно высказывались епископы восточно-латинских епархий: Любельской, Луцкой, Пинской, Подляшской и Виленской. Подляшский епископ Генрик Пшежджецки организовал денежный сбор на создание новых неоуниатских приходов. Противниками таких действий были епископ Любельский Мариан Фулман и кардинал Август Хлонд, которые высказывались за принятие православных непосредственно в католическую Церковь латинского обряда. Католическое приходское духовенство не считало людей, изменивших вероисповедание, поляками, которые, как католики неопиты славянского обряда, также угрожают польским государственным интересам⁵, поскольку неоуниаты были преимущественно украинской, русской и белорусской национальности. Подобную позицию представляли государственные власти. Первоначально власти поддерживали строительство новых неоуниатских храмов и выплачивали оклад 10 духовным этого вероисповедания, несмотря на то, что приходы византийско-славянского обряда не были предусмотрены конкордатным договором от 1925 г. Хотя униатская акция в первые годы функционирования католического византийско-славянского обряда носила спокойный характер, местные административные власти видели в нём источник конфликта на национальной и религиозной почве. Одновременно с течением времени польские власти всё более критично относились к униатскому движению, исходя из убеждения, что эта акция носит непостоянный характер и способствует возникновению антипольских центров. Окончательно польские власти не уделили епископу Николаю Чарнецкому юрисдикции над неоунией в Польше, хотя неофициально он оставался главой византийско-славянского обряда⁶.

В неоуниатской акции так же использовались базилиане и конвертиты. В большинстве своём это были православные священники, состоящие в конфликте со своей иерархией, желающие сделать духовную карьеру в ином вероисповедании. Большинство духовных конвертитов оказалось в католической Церкви по материальным мотивам и в ожидании личных выгод. Эти духовные не обладали большими моральными и интеллектуальными качествами, необходимыми в миссионерской деятельности. Среди конвертитов были два экс-ректора духовных семинарий: Виленской – Филип Морозов и Кременецкой – Пётр Табинский. Переход этих духовных в унию откликнулось громким эхом в Речи Посполитой. Филип Морозов, не получив достоинства эгзарха архиепископа Виленского в 1927 г., вернулся в православие вместе с остальными конвертитами⁷.

⁴ Свитич А., *Православная Церковь в Польше и её автокефалия*, Буэнос-Айрес 1959, с. 194; Mironowicz A., *Неоуния во Второй Речи посполитой*, „Seminarium Hortus Humanitatis”, т. XV, 2008, с. 64–66.

⁵ Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego*, с. 62–64.

⁶ Там же, с. 65–69, 72.

⁷ Свитич А., *Православная Церковь*, с. 196–197; Łomacz B., *Neounia*, „Więź” 1983, nr. 1, с. 60; Papieżyńska-Turek M., *Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939*, Warszawa 1989, с. 412; Waszkiewicz Z., *Neounia*, с. 139; Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego*, с. 88–89.

Ввиду частых возвращений неоуниатских духовных в православие Комиссия Про Руссия и Конгрегация по делам Восточных Церквей рекомендовали проявлять большую осторожность при принятии священников, изменивших своё вероисповедание. В этой ситуации всё большее внимание обращалось на образование будущих униатских духовных. По инициативе иезуитов в Альбертине около Слонима было создано униатское представительство. Духовных для проведения миссионерской деятельности посылали на богословские курсы в монашеские коллегии в Пинске, Люблине, Кракове и Риме. В 1931 г. в зданиях бывшей Дубенской семинарии была заложена Папская Духовная Семинария, финансируемая Римом. Программа обучения семинарии была приспособлена для потребностей неоунии⁸. Миссионерской деятельностью среди православных занялись в Польше представители орденов восточного обряда иезуитов, капуцинов, марианов, облатов, редемптористов и студитов. Преимущественно это они поддерживали деятельность неоуниатского духовенства. Согласно данным Министерства Религиозных Исповеданий и Общественного Просвещения, в 1935 г. на 51 духовного неоуниатского было 22 украинской национальности, 13 – польской, 7 – русской, 4 – белорусской и 4 – неопределённой⁹.

В целях популяризации неоунии иезуиты издавали польскоязычный журнал «Ориенс», русскоязычные периодические издания «Христианин», «К соединению», а также белорусскоязычные «Китеж» и «Да злучення»¹⁰. Акцию обращения православных на Волыни поддерживала католическая пресса, в том числе «Жиче Католицке» – орган католической курии в Луцке и «Пшеглонд Католицки». По примеру межславянских съездов в Велехраде от 1930 г. в Пинске проводились униатские конференции¹¹. Организацией конференций занималась Духовная Семинария в Пинске. Участниками съездов были представители католической Церкви, русские эмигранты и неоуниатское духовенство. На Пинских конференциях обсуждались методы введения неоунии на территории II Речи Посполитой и в России. На конференциях подчёркивалась необходимость сохранения восточной обрядности, максимального сглаживания внешних различий между обоими вероисповеданиями и создания оптимальных условий принятия православными католической веры. Одновременно в рамках польского епископата функционировала униатская комиссия епископата, которую возглавлял митрополит Анжей Щептицкий, а её членами были епископ Подляшский Хенрик Пшежджецкий и архиепископ Виленский Ромуальд Ялбжиковски.

Результаты неоуниатской акции были незначительные по сравнению с масштабом акции и средствами, используемыми для её проведения. Все данные на тему количества приходов, духовных и верных, которые приняли унию, являются мало правдоподобными ввиду неустойчивого состояния между обоими исповеданиями. Наряду с сознательным переходом в унию появлялись случаи побочных и случайные. Крестьянское население ввиду отсутствия разницы в обряде не

⁸ Wyczawski H. E., *Ruch neounijny w Polsce w latach 1923–1939*, „Studia Theologica Varsoviensia” 1970, т. VIII, nr. 1, с. 414; Waszkiewicz Z., *Neounia*, с. 137.

⁹ Papieżyńska-Turek M., *Między tradycją a rzeczywistością*, с. 423; Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego*, с. 119–131.

¹⁰ Papieżyńska-Turek M., *Między tradycją a rzeczywistością*, с. 410; Mironowicz A., *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, с. 144–145.

¹¹ Ср.: *Дневник 1-ой Капланской Конференции по вопросу Церковной Унии в Пинске (23–24 IV 1930 года)*, Пинск 1931. Дневники следующих пинских и капланских конференций были опубликованы в Пинске: II конференции в 1932 г., III в 1933 г., IV в 1934 г., V в 1935 г., VI в 1939 г.

представляла себе, что духовный изменил исповедание. В некоторых случаях верные, остающиеся в конфликте с духовным, выражали желание присоединиться к неонии, однако после исчерпания конфликта сразу же возвращались к православию. В результате усиления акции латинских миссионеров и государственной администрации удалось обратить в католицизм множество православных семей, в том числе широко освещённых в прессе 35 семей из села Хрыньки в Кременецком повете¹².

*

Согласно Министерству Религиозных Исповеданий и Общественного Просвещения, в 1927 г. было 28 неонуниатских приходов, 30 духовных и 17 000 верных. В 1930 г. существовало 33 неонуниатских прихода. Официальные статистики Церкви в 1935 г. приводят 32 епархиальных духовных, 26 монашеских, 32 учащих семинарии в Дубне, 45 приходов и 18 000 верных. В свою очередь данные Министерства Религиозных Исповеданий и Общественного просвещения в 1938 г. приводят 43 прихода и 17 000 последователей неонии¹³. По оценке Министерства Внутренних дел количество неонуниатских приходов, представляемое Церковью, было завышено в целях пропаганды. На общее количество 58 пастырских единиц, возникших в 1924–1939 годах перед Второй мировой войной, функционировало 43 прихода, в том числе восемь созданных в 1938 г. Остальные приходы возникли по инициативе деятелей униатского движения, функционировали очень недолго и быстро приходили в упадок по причине отсутствия верных. Наибольшее количество приходов византийско-славянского обряда было основано в Волынском воеводстве (18), в Любельском (17), Белостоцком и Новогрудском (по 5), и Виленском (3) воеводствах¹⁴. Согласно новейшим постановлениям, количество верных византийско-славянского обряда составляло в 1930 г. – 14 443, в 1934 г. – 15 960, в 1939 г. – 16 649¹⁵. В целом фактически численность неонуниатов составляла приблизительно 17–18 тысяч и не превышала численности униатов, которые приняли православие.

Низкая эффективность неонуниатской акции стала причиной того, что Конгрегация по делам Восточных Церквей 21 мая 1937 г. издала новую инструкцию, рекомендующую усиление миссионерской деятельности среди православных. Миссионерскую акцию планировалось проводить главным образом на территории Холмщины и Подлашья, где православные составляли небольшой процент всего населения¹⁶. Из «Информационного Бюллетеня Синодально-Миссионерского Комитета» следует, что попытки введения унии на территориях православных епархий закончились неудачей, а вся акция была направлена преимущественно на смешанные браки¹⁷.

¹² Kuryłowicz S., *Z dziejów prawosławia w II Rzeczypospolitej Polskiej. Niektóre problemy na tle polityki wyznaniowej państwa 1918–1939*, Warszawa 1985, с. 65–66; Mironowicz A., *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, с. 145.

¹³ *Archiwum Akt Nowych w Warszawie, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*, 381, л. 169, 320; Pirożyński M., *Statystyka Kościoła w Polsce*, Lublin 1935, с. 16–17; Waszkiewicz Z., *Neounia*, с. 142–143.

¹⁴ Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego*, с. 97–114.

¹⁵ Там же, с. 138–139; Mironowicz A., *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, с. 146–147.

¹⁶ „Słowo”, nr. 20, Warszawa 1938.

¹⁷ „Biuletyn Informacyjny Synodalnego Komitetu Misyjnego” № 10, Литовский Государственный Исторический Архив в Вильнюсе, ф. 605, оп. 12, nr. 1574, л. 244–246.

Неоуниатское движение обострило отношения православной Церкви с римско-католической и с государством. Власти православной Церкви стали активно протестовать в отношении деятельности иезуитов в Альбертине. Православная пресса определяла неоуниатов как предателей, а всю акцию считала незаконной. Критика отступников от православия была соединена с наложением на них отлучения. Фактически все православные духовные, которые перешли в католицизм были отлучены от Церкви. Очередную угрозу для Православной Церкви в большинстве случаев принесла консолидация духовенства и верных. Православное население сохраняло недоверие в отношении неоуниатских духовных, уподобляющихся только внешне православным. Их трактовали как скрытых «папистов», а своих духовных – как защитников православия. Православная пресса представляла деятельность униатских миссионеров как русифицирующую. Такое воззрение доминировало в прессе, остающейся под влиянием национальных меньшинств. В 1934 г. были созданы миссионерские епархиальные и деканатные комитеты, а в Почаевской Лавре был организован общегосударственный съезд православных миссионеров. Съезд разъяснил духовенству и верным ту угрозу, какую несёт неоуниатская акция православию. Рапорты православных духовных консисторий информировали митрополита о количестве неоуниатов. В свете этих сообщений православное население решительно отвергает новое исповедание. Согласно данным Виленского Духовного Консистерия, с 1934 г. только церковь св. Андрея вместе с шестью старыми униатами покинула православие и три лица из села Столбцы. В других деканатах не было никакого перехода из православия в католицизм. По мнению местных церковных властей, большей угрозой были секты, нежели уговоры униатских миссионеров¹⁸. Проблема неоунии и связанных с ней конфликтов закончилась одновременно с началом Второй мировой войны.

18 Литовский Государственный Исторический Архив в Вильнюсе, ф.605, оп.12, нр.1574, 128–131.